

вает Сергей Александрович. Он первым устремился к опорному пункту, занял оборону. Его примеру последовал Иван Майборода, родной брат начальника заставы, другие солдаты и офицеры. «Духи» в первые минуты боя подбили БМП-1 мотострелков, станковый противотанковый гранатомет, склады с «вещевкой», продовольствием и боезапасом. Начался бой, который продолжался тринадцать часов.

Евланов не рассказывает о том, чего не видел своими глазами. Бой разделился на фрагменты и эпизоды. На своем участке обороны Сергей командовал отделением. Ближе всех к нему находился рядовой Леонид Улыбин. Вместе с ним он несколько раз проделывал пируэт, который стоил жизни нескольким боевикам. Два «духа» вели огонь из-за здания, не давая пограничникам перемещаться по окопу, перед которым находился арык. Достать боевиков из автомата было невозможно. И тогда Евланов с Улыбиным пошли на то, чего моджахеды абсолютно не ожидали: набрав воздуха в легкие, они спускались в арык, проплывали под водой, держа автоматы над головой. Стремительно поднимаясь из воды, они расстреливали боевиков на короткой прямой дистанции. Возвращались назад таким же манером, но уже против течения. «Духи», не понимая, откуда ведется стрельба, вновь занимали эту огневую позицию. Их постигала та же участь. «Проплыл, выстрелил, убил, нырнул», — коротко рассказывает Сергей.

После одной из вылазок рядовой Улыбин не успел вернуться назад, боевики расстреляли его разрывными пулями. Парнишку спустили в окоп, закрыли глаза, прислонили к стенке. Даже мертвый, он оставался в рядах защитников. «Немало погибших ребят было в окопе, рядом с нами, — говорит Сергей Александрович. — Иногда возникало ощущение, будто

ты в детстве играешь в войну. Взрывной волной гранаты, попавшей в окоп, меня метров на пять выбросило наружу, но я не почувствовал ни осколочных ранений, ни боли. Заполз опять, продолжал воевать. Не помню, сколько прошло времени с начала боя, когда наступил критический момент. Нас, двадцать человек, зажали на пятнадцати метрах. Пулеметчик боевиков не давал поднять головы из окопа. И тогда мы разом (с криком «За папу и за маму!») обрушили на него огонь. После подавления пулеметной точки стало несколько легче.

За все тринадцать часов боя мы имели всего полчаса короткой передышки, когда два вертолета Ми-8 кружили над нами и утюжили «духов» НУРСами. Резерв отряда к нам пробиться не смог, и тогда мы приняли решение идти на прорыв по ущелью. Ко второму плато шли километров десять. В ущелье нас ждала засада, которую боевики, расположившись на камне, организовали неграмотно. Наш пограничный пес Дик учуял «духов», и мы сняли их из автоматов.

Через трое суток после операции швы на моем теле затянулись. В госпитале я пролежал десять дней. Здесь меня нашла по телефону сестра Лена, дозвонившаяся из дома. Она спросила: «Ты как?». Я ответил: «Жив, что со мной сделается». После госпиталя меня уволили в запас. Когда вернулся домой, родители заплакали, ведь первое известие по телевизору было о том, что погибла вся застава».

ВОЕВАЛИ ДЕДЫ, ВОЕВАЛ ВНУК

Поистине, у России-матушки все сыночки — воины. Было у Сергея Евланова два деда, оба фронтовики. Федор Мякотин, дед по материнской линии, пропал без вести на фрон-